

СТАРШИЙ ЭКОНОМИСТ

МЛАДШИЙ ПЛАНОВИК

СТАРШИЙ ПЛАНОВИК

ПОМ. ЗАМ. ЗАВ.

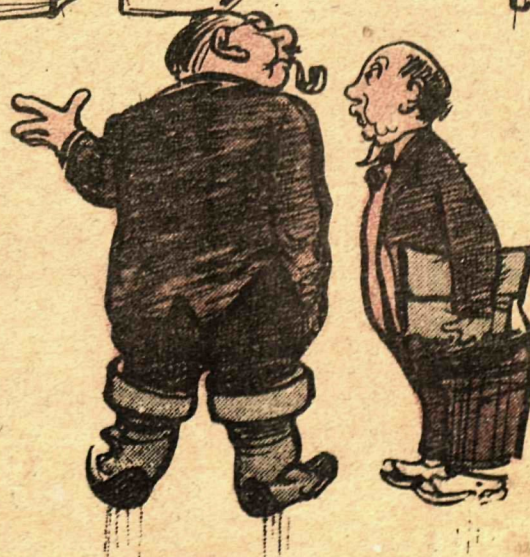
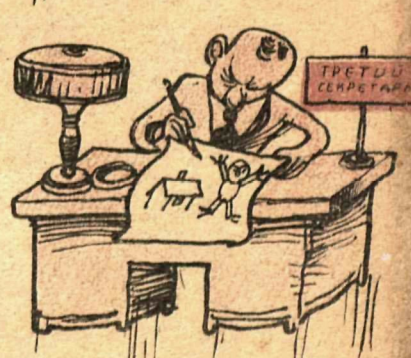
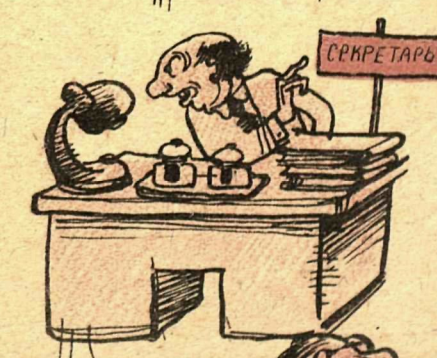
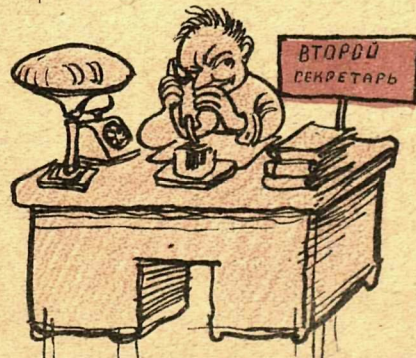
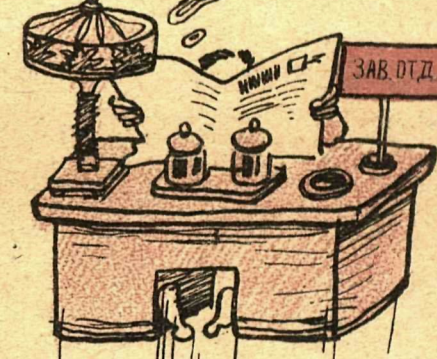
№ 2 ЯНВАРЬ МОСКВА 1940

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ГОД ИЗДАНИЯ XIX

ЦЕНА НОМЕРА 60 КОП.

К Р О К О Д И Л

К 556/41

КТО ЛИШНИЙ!

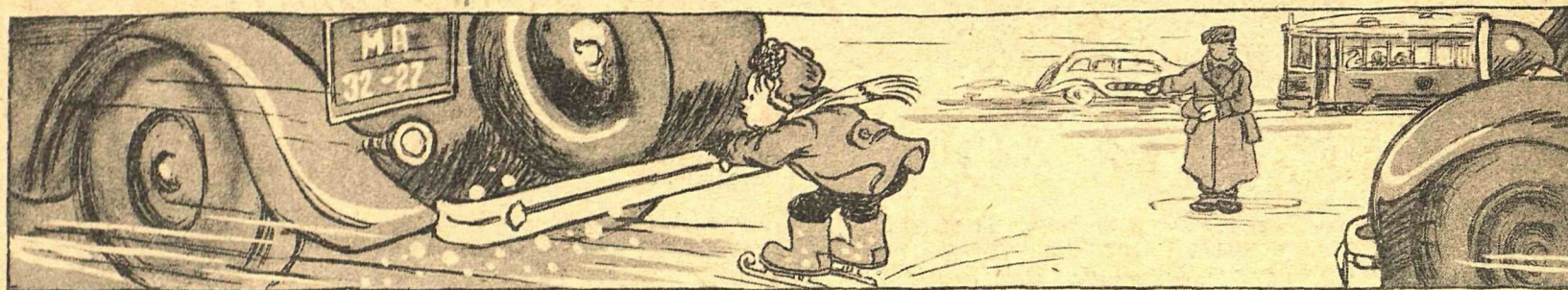
— Нужно будет принять на службу еще несколько человек, чтобы проверить, нет ли у нас в главке лишних работников.

Рис. М. Храпковского

Рис. В. Васильева

Конькобежец, пользующийся всеобщим вниманием.

Конькобежец, которого никто не замечает.

Еще раз к вопросу о...

В ПРЕССЕ неоднократно писалось о вреде хамства. И все же кое-где имеют место факты, свидетельствующие о том, что это ненормальное явление еще не вырвано с корнем.

Нам кажется нелишним вспомнить здесь такой случай. Судя по некоторым, не вполне проверенным данным, у старика Ноя было три сына: Сим, Хам и Яфет. Сим и Яфет ушли безвозвратно из мира сего. А Хам умудрился остаться.

Легко предположить, что вся история с Ноем выдумана досужими летописцами и что не было ни Ноя, ни Сима, ни Яфета. Но все же никто не может отрицать существования Хама как в глубокой древности, так и в современной обстановке.

Сыну покойного Ноя привольно за рубежом, в странах капитализма. Фабриканты, банкиры и прочие власть имущие джентльмены — разве не по-хамски относятся они к народу, к трудящимся?

Отдельные проявления этого безобразия наблюдаются порой и у нас. Пятна наиболее заметны на чистом и здоровом теле. И тем неприятнее видеть хамство в нашей стране, где человеческое достоинство поднято на небывалую высоту.

Подражают Хаму те люди, которые еще не научились уважать себя и уважать других и которые ошибочно считают себя культурными лишь потому, что носят галстук в полоску, вертят ручку патефона и ходят в кино.

Хамство бывает двух сортов:

1. Грубошерстное, тяжелое и дешевое: «Куда прешь!», «Пошел вон!», «Сволочь!», «От такого и слышу», «Я с тобой не разговариваю», «Дать бы ему по сопатке», «Не нравится — вот жалобная книга, пиши», «Вас много, а я один», «Плывать я на тебя хотел», «Пошел к черту!», «Шляются тут всякие...»

2. Тонкое, мягкое и гладкое, как шолк: «Прошу извинить, ваше заявление потеряно», «Придите, пожалуйста, еще раз недельки через две», «Я же плачу алименты, чего же еще от меня требуется?», «Я жду здесь третий час! — Ничего не поделаешь, гражданин, все ждут», «Алло! Это главнаб? — Вы, кажется, ошиблись, это крематорий», «В седьмой раз прошу ответить на мое заявление. — В ответ на ваше последнее заявление сообщаем, что, к сожалению, ничем вам помочь не можем».

Чтобы не быть голословными, приведем несколько фактов.

К Пасковье Кирилловне Оводневой, жительнице города Куйбышева, пришел в ее отсутствие милиционер и сказал соседям:

— Передайте этой самой Оводневой, чтобы она немедленно явилась в милицию, в комнату № 44. Обязательно!

Весь дом всполошился: «Вот те и на! Дела-то какие. Даром в милицию не зовут...» Пошла Оводнева в милицию. В комнату № 44 без пропуска не пускают. А чтобы получить пропуск, нужно иметь

паспорт. Побежала Оводнева домой за паспортом. Принесла паспорт и получила пропуск. Зашла в комнату № 44. Просят обожждать. Наконец выходит ответственный работник милиции Филатов и заявляет Оводневой:

— Я как председатель избирательной комиссии вызвал вас для вручения депутатского удостоверения, так как вы избраны в райсовет...

Директор завода «Электрощинк» (город Орджоникидзе, Северная Осетия) отправил письмо начальнику снаббита завода «Магnezит» (город Сатка, Челябинская область) тов. Салько с просьбой выслать копии счетов. Ответ получился такой:

«Сообщаем, что ваше письмо адресовано начснаббита тов. Салько, что неправильно. Вам надлежит обратиться непосредственно к начальнику финансового отдела... В чем ставим вас в известность. Ответственный (?) исполнитель фин. отд...» (подпись неразборчива).

Если не хамством, то как еще можно назвать поступок этого человека с неразборчивой подписью? Вместо того чтоб переслать курьером деловое письмо из одной комнаты в другую, он отсылает его обратно из Челябинской области в Северную Осетию, ибо «вам надлежит обратиться непосредственно к начальнику финансового отдела».

Инженеру К. в Москве понадобилось узнать телефон Главэнергопрома. Он решил позвонить в справочное бюро. Набрал «09». Долго ждал. Получив номер, позвонил. Оказалось, это — какое-то другое учреждение. И дальше бюро ему «дарило» вместо Главэнергопрома Текстильпроект, Теплоэлектроприбор, Главэлектропром... После шестого звонка инженер попросил соединить его с заведующей справочным бюро, но его соединили с... дежурным инспектором.

Дежурный повторил все шесть знакомых уже номеров, добавив еще Ж 3-15-20, также не имеющих отношения к Главэнергопрому.

Возмущенный инженер К. потребовал к телефону заведующую бюро... Она опять повторила номера, от которых инженера давно уже бросило в пот.

— Дайте мне номер телефона, по которому я буду жаловаться на вашу плохую работу! — попросил инженер.

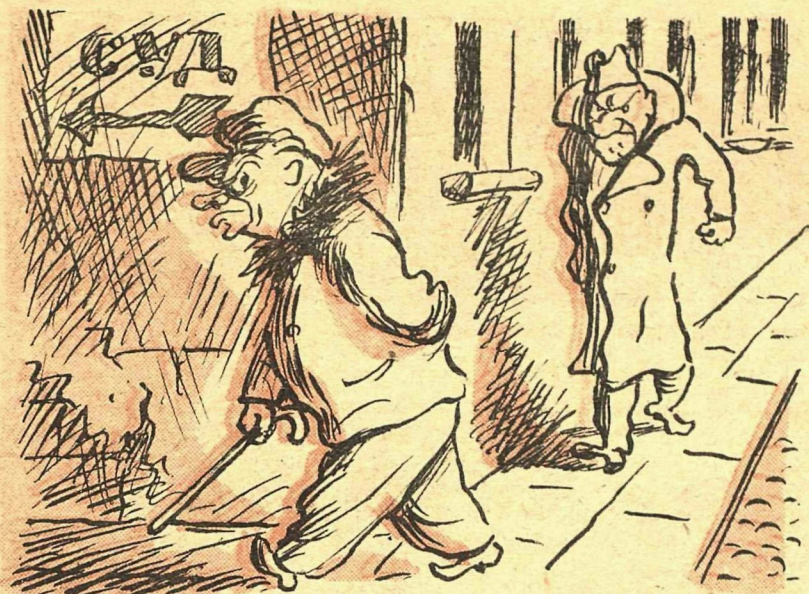
Ему дали номер... но ответили из учреждения, не имеющего отношения к Наркомату связи...

Куда отнести все эти виды издевательства: к грубошерстному или к шоловому хамству? Думаем, что читатель сам разберется. Одно ясно: всякое проявление хамства чуждо нам, и мы обязаны с ним бороться.

Обязаны бороться! А посему редакция еще вернется к затронутому вопросу.

О ТОМ, КАК ПОМИРИЛИСЬ ИВАН ИВАНОВИЧ
С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ

Рис. Н. Радлова

Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем и подал на него в суд. Направляясь на судебное заседание, Иван Иванович думал: «Улепу я голубчика! В тюрьму упрячу!»

Двор, в который выходила дверь суда, представлял собой местность настолько пересеченную и загрязненную, что Иван Иванович сломал бы себе ногу, если бы его вовремя не поддержал Иван Никифорович, в свою очередь направлявшийся в суд.

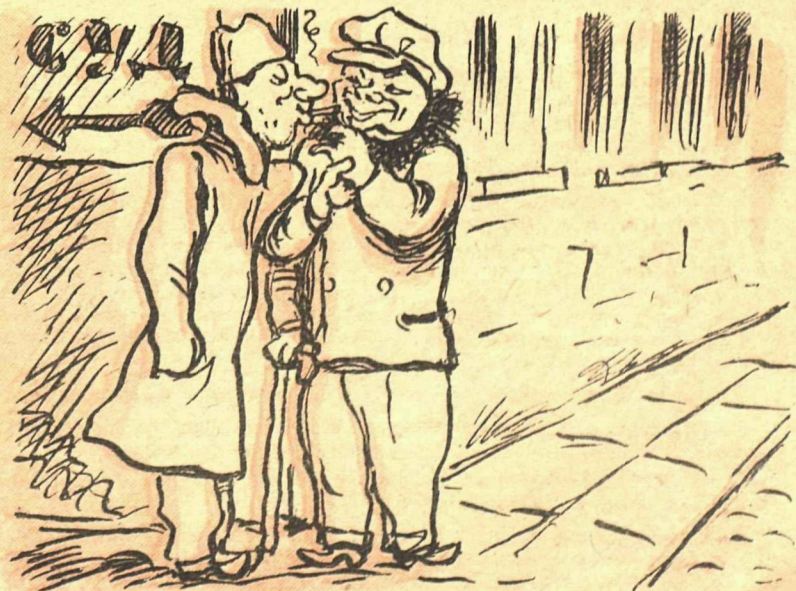
Но и Ивану Никифоровичу сильно помогла поддержка Ивана Ивановича на том же дворе.

А уж лестницу, по которой надо было подняться, чтобы попасть в зал судебных заседаний, оба тяжущихся преодолели совместными усилиями, сложными и точно рассчитанными, как у акробатов.

Утомленные, подошли тяжущиеся к судебному залу. Густой дым и испарения, повалившие из зала, так напугали тяжущихся, что они, взявшись об руку, повернули назад.

— Не лучше ли будет нам помириться? — улыбаясь, сказал Иван Никифорович, когда оба достигли улицы.
— И то правда, Иван Никифорович, — улыбаясь, ответил Иван Иванович, — давайте-на помиримся и будем жить дружно. А судиться, сами видите, очень тяжело.

Шутки Марк Твена

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНАЯ БЕССИ

В последний год жизни Твен написал несколько диалогов. В этих диалогах выведена любознательная девочка Бесси, надоедающая взрослым щекотливыми вопросами. Эти диалоги Твен читал за обеденным столом своим гостям, и они испытывали не меньшее смущение чем мама маленькой Бесси.

Бесси — славная девочка, не шалуня, не тараторка; она любит поразмышлять то над тем, то над этим и постоянно спрашивает «почему?», стараясь понять, что происходит вокруг нее. Однажды она спросила:

— Мама, почему повсюду столько страданий и горя? Для чего все это?
 Это был несложный вопрос, и мама, не задумываясь, ответила:

— Для нашего же блага, деточка. В своей неисповедимой мудрости бог посылает нам эти испытания, чтобы наставить нас на путь истинный и сделать нас лучше.

— Значит, это он посылает страдания?

— Да.

— Все страдания, мама?

— Конечно, дорогая. Ничто не происходит без его воли. Но он посылает их полный любви к нам, желая сделать нас лучшими.

— Это странно, мама.

— Странно? Что ты, дорогая! Мне это не кажется странным. Никому это не кажется странным. Все думают, что так должно быть, что это милосердно и мудро.

— Кто это первый стал так думать, мама? Ты?

— Нет, крошка, меня так учили.

— Кто так тебя учил, мама?

— Я уже не помню. Наверно, моя мама или

священник. Во всяком случае, все знают, что это правильно.

— А мне это кажется странным, мама. Скажи: это бог послал тиф Билли Норрису?

— Да.

— Для чего?

— Как для чего? Чтобы наставить его на путь истинный, чтобы сделать его хорошим мальчиком.

— Но он же умер от тифа, мама. Он не может стать хорошим мальчиком!

— Ах, да! Ну, значит, у бога была другая цель. Во всяком случае, это была мудрая и милосердная цель.

— Что же это была за цель, мама?

— Ты утомляешь меня, крошка. Быть может, бог хотел послать испытание родителям Билли.

— Но это нечестно, мама! Если бог хотел послать испытание родителям Билли, зачем же он убил Билли?

— Я не знаю, крошка. Я могу только сказать тебе, что его цель была мудра и милосердна.

— Какая цель, мама?

— Он хотел... он хотел наказать родителей Билли. Они, быть может, согрешили и были наказаны.

— Но умер же Билли, мама! Разве это справедливо?

— Конечно, справедливо. Бог не делает ничего, что было бы несправедливо. Тебе не понять этого сейчас, но когда ты вырастешь большая, тебе будет понятно, что все, что бог делает, мудро и справедливо.

Пауза.

— Мама, это бог обрушил крышу на человека, который выносил из дому старушку, когда был пожар?

— Ну да, крошка. Постой! Что за вопросы ты залаешь? Ты должна помнить только одно: всякое деяние божье показывает его всемогущество, правосудие и любовь к людям.

— А вот когда пьяница ударил вилами ребенка у миссис Уэлч...

— Это — совсем не твое дело! Впрочем, бог, наверно, хотел послать испытание этому ребенку, поставить его на путь истинный.

— Мама, мистер Боргес говорил, что миллионы миллионов маленьких существ нападают на нас и заставляют нас болеть холерой, тифом и еще тысячами болезней. Мама, это бог посылает их?

— Конечно, крошка, конечно. Как же иначе?

— Зачем он посылает их?

— Чтобы наставить нас на путь истинный. Я тебе уже сказала.

— Но это ужасно жестоко, мама! Это глупо! Если бы мне...

— Замолчи, сейчас же замолчи! Ты хочешь, чтобы нас поразило громом?

— Мама, на прошлой неделе колокольню поразило громом и церковь сгорела. Что, бог хотел наставить церковь на путь истинный?

— (Устало). Не знаю, может быть...

— Молния убила тогда свинью, которая ни в чем не была повинна. Бог хотел наставить эту свинью на путь истинный, мама?

— Дорогая моя, ты, наверно, хочешь погулять. Пойди побегай немного.

ТОМ СОЙЕР И БИБЛИЯ

В последние годы жизни Твена американские ханжи стали изгонять из детских библиотек его знаменитые книги о Томе Сойере и Геке Финне, утверждая, что это «опасные» для детей книги. На письмо одного из библиотечарей, возмущенного этим варварством, Твен ответил следующим ироническим письмом:

«Дорогой сэр, я бесконечно взволнован тем, что вы мне сообщили. Я написал «Тома Сойера» и «Геккльберри Финна» исключительно для зрелых людей и бываю всегда огорчен, когда узнаю, что детям разрешают брать их в руки. Чистоту, утраченную в юности, уже не обрести до конца дней. Я постиг это на собственном примере и до сего дня питаю неутолимую злобу к беспечным хранителям моей юности, заставившим меня прочесть Библию, когда мне не было еще полных 15 лет. Прочитать Библию и сохранить чистоту душевную — вещь невозможная, в этом мире, во всяком случае. Я очень хотел бы замолвить словечко за Геку, тем более, что вы просите меня об этом, но, в конце концов, я думаю, что он не намного лучше царя Давида, Соломона и прочей святой братии.

Если в вашей детской библиотеке имеется на полках Библия, я очень прошу вас, помогите вашему начальству убрать «Тома» и «Геку» подальше от это о сомнительного соседства».

О РЕЛИГИИ

Из записей секретаря Твена, Альберта Пейпа.

Читая в газете лекцию Бернарда Шоу о религии, Твен набрел на такое место: «Ни один человек со здравым смыслом не может в наше время признать себя религиозным без оговорок».

— Совершенно правильно, — заметил Твен, — оговорка та, что для этого нужно быть идиотом.

* * *

Сантиментальная и ханжески настроенная поклонница Твена, прощаясь, вскричала:

— О, как всевышний, должно быть, любит вас!

— Надеюсь, — холодно ответил Твен и, пождав, пока она вышла, прибавил: — Она не знает о наших натянутых отношениях.

ДОМАШНИЙ ЦЕНЗОР

Жена Твена, Оливия Клеменс, считала своим долгом подвергать цензуре рукописи Твена и «причесывать» их по своему разумению. Сохранились ее заметки на полях книги Твена «Вдоль экватора» с ответными замечаниями Твена, юмористическими, но вместе с тем грустными:

Стр. 1020. Мне не нравится это: «Кошка сомнительной нравственности, у которой была семья в каждом порту».

— Что ж, я подбавлю ей нравственных принципов.

Стр. 1022. Нельзя ли заменить «вонь» каким-нибудь другим словом. У тебя оно так часто встречается.

— Дай мне написать его хоть где-нибудь. Ты ведь повсюду уже выкинула. И вот снова. А между тем «вонь» — честное, хорошее слово.

Стр. 1038. Мне очень неприятно, что ты пишешь, как твой отец побил мальчика-невольника.

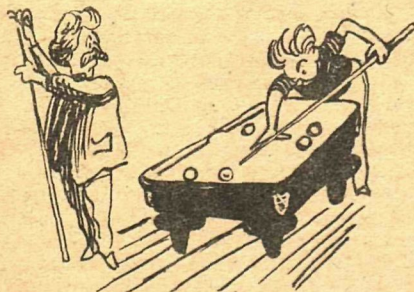
— Выкинуто, и мой отец обелен.

Стр. 1050. Я изгнала бы слово «падаль» совсем из языка.

— Ты неуклонно подрываешь мощь английского языка, Ливи.

Стр. 1095. Ты, может быть, на это не обращаешь внимания, но тебя обманули, когда сказали, что зеленые драгоценные камни у раджи были рубины. Это были первоклассные изумруды. Изумруды и жемчуга раджи славятся во всем Бомбее.

— Хорошо, я сделаю их изумрудами, но ты лишаешь их силы. Зеленые рубины — это свежо. Кроме того мои сведения получены лично от одного из придворных лжецов раджи.

СЛУЧАЙ В БИЛЬЯРДНОЙ

Твен был страстным бильярдистом. У него в доме был бильярд, и он проводил за ним целые дни и даже ночи. Однажды, когда он присутствовал на бильярдном чемпионате,

игроки попросили его рассказать что-нибудь. Он рассказал со своим обычным, неподражаемым искусством такую историю:

«Как-то, когда я жил в Неваде, я зашел от нечего делать в бильярдную, взял кий и стал гонять шары по столу. Хозяин, рыжеволосый парень, спросил меня, не хочу ли я сыграть с ним. Я ответил, что непрочь. Тогда он говорит: «Погоняйте-ка еще шары, я погляжу, что у вас за удар». Я принялся за дело, и получалось у меня неплохо — так мне, по крайней мере, казалось. «Ну что ж, — говорит он, — я сыграю с вами левой». Я почувствовал себя оскорбленным, но согласился. Разыграли удар, он вышел первым. Он начал играть, а я начал мелить свой кий; он продолжал играть, я продолжал мелить свой кий — так шло до конца. Когда он набрал свои очки, я говорю: «Это здорово, это просто замечательно! Если вы так играете левой, что же делается, когда вы играете правой?» «Ничего не делается, — отвечает он, — я левша».

ТЕХНИКА КОМИЧЕСКОГО

Твен был не только писателем-юмористом, но и непревзойденным по мастерству рассказчиком; он много выступал перед аудиторией; обсуждая технику комического, он часто обращался к собственным наблюдениям и опыту, анализируя свои неудачи и триумфы. Он вспоминал один случай, когда, рассказав комическую историю, подготовленную по специальному плану, с рассчитанным до деталей эффектом, он не услышал ни смеха, ни аплодисментов:

«Они молчали — и такое количество народа, если оно возьмется молчать, может произвести солидное впечатление. Они молчали, наверно, не меньше десяти секунд, потому что для меня это были полтора часа. Потом одна женщина сказала с неподдельным чувством: «Боже, какая грустная история!» На мгновение я окаменел. Потом пробилась родники из глубины моего существа, и я смеялся сорок дней и сорок ночей — по часам не меньше трех минут. К этому времени я понял свою оплошность. Я пересолил. Я строил рассказ на пародийной растроганности, чтобы тем сильнее добиться в конце комического воздействия, и я напустил в зал такого слезоточивого туману, что когда на сцене появился юмор, его нельзя было разглядеть».

ГРАБИТЕЛИ

В «Стормфильд» (дача Твена) забралась грабители, вызвавшие страшный переполох в спящем доме. Наутро, Твен прибил к парадной двери такое объявление:

«Внимание!

Следующему грабителю:

В доме ничего ценного, кроме столового серебра, нет. Вы найдете его в медной штюковине в углу, в столовой, возле корзинки с котятми

Если вам понадобится корзинка, переложите котят в медную штюковину. Старайтесь не шуметь: мы не выносим шума.

Когда будете уходить, плотно закрывайте за собой дверь!

Привет

С. Клеменс».

Когда Твен узнал, что грабители пойманы и сидят за решеткой, он сказал: «Мне жаль этих грабителей. Они уже в тюрьме, и если

они не оставят своего занятия, их непременно выберут в члены конгресса. Трудно даже сказать, как низко они могут пасть».

ГОРЬКИЕ ШУТКИ

Твен остро и болезненно ощущал лицемерие и уродство окружающей жизни. Не раз он сам упрекал себя за недостаток смелости, за нерешительную критику социальной несправедливости и горько шутил по этому поводу:

«Посетители собачьих схваток! Пусть ваши тайные симпатии и сострадание будут на стороне слабой собаки — это великодушие; но ставьте на сильную — это бизнес».

«Делать добро очень доступно, учить делать добро еще доступнее, к тому же меньше хлопот».

«Если бы я жил на заре творения, когда Каин убил Авеля, то, прежде чем осудить убийцу, я наведался бы к соседям и выяснил бы, каково общественное мнение на этот счет. Я, конечно, имел бы свое мнение, но ни за что не высказал бы его, пока не узнал бы, куда ветер дует».

СРЕДИ ЦАРЕЙ И МИНИСТРОВ

В «Простаках за границей» Твен юмористически описал, как он вместе с другими путешествовавшими на пароходе «Квакер-сити» американскими туристами посетил Севастополь и Ялту и был принят царским семейством. Некоторые забавные подробности этого приема он, однако, не включил в книгу, так как они касались его лично «светских промахов». Позже он записал их для себя:

«На приеме было множество знатных особ. Они были одеты в большинстве в штатском платье, но я заметил, что многие носили в петличке маленькие цветные ленточки. Это выглядело нарядно, и я подумал, что было бы неплохо украсить и себя таким же образом. Я раздобыл красную ленточку и укрепил на лацкане своего сюртука. Начиная с этой минуты церемониймейстер, одетый в ослепительный придворный мундир, стал выказывать мне особые знаки почтения. Он был любезен, он был очарователен, он окружал меня заботами. Наконец, он спросил у меня, каков мой титул. Я сказал: «У меня нет титула». Вслед за этим он спросил меня, кавалером какого ордена я являюсь. Я сказал: «Никакого». Тогда он спросил, что, собственно, означает ленточка в моей петличке. Тут я понял, какую глупость я сделал, и смутился до крайности. Я сказал ему первое, что пришло мне в голову, — сказал, что это значок клуба журналистов, в котором я состою. Церемониймейстер больше не окружал меня заботами...»

Потом я подружился со старичком, который был, повидимому, чем-то вроде старшего садовника. Я водил его по всему парку, ухватив под руку, чему он нисколько не противился. Велико было мое смущение, когда выяснилось, что это был совсем не садовник. Это был морской министр!

Я подумал, что мне, пожалуй, не стоит водить компанию с царями».

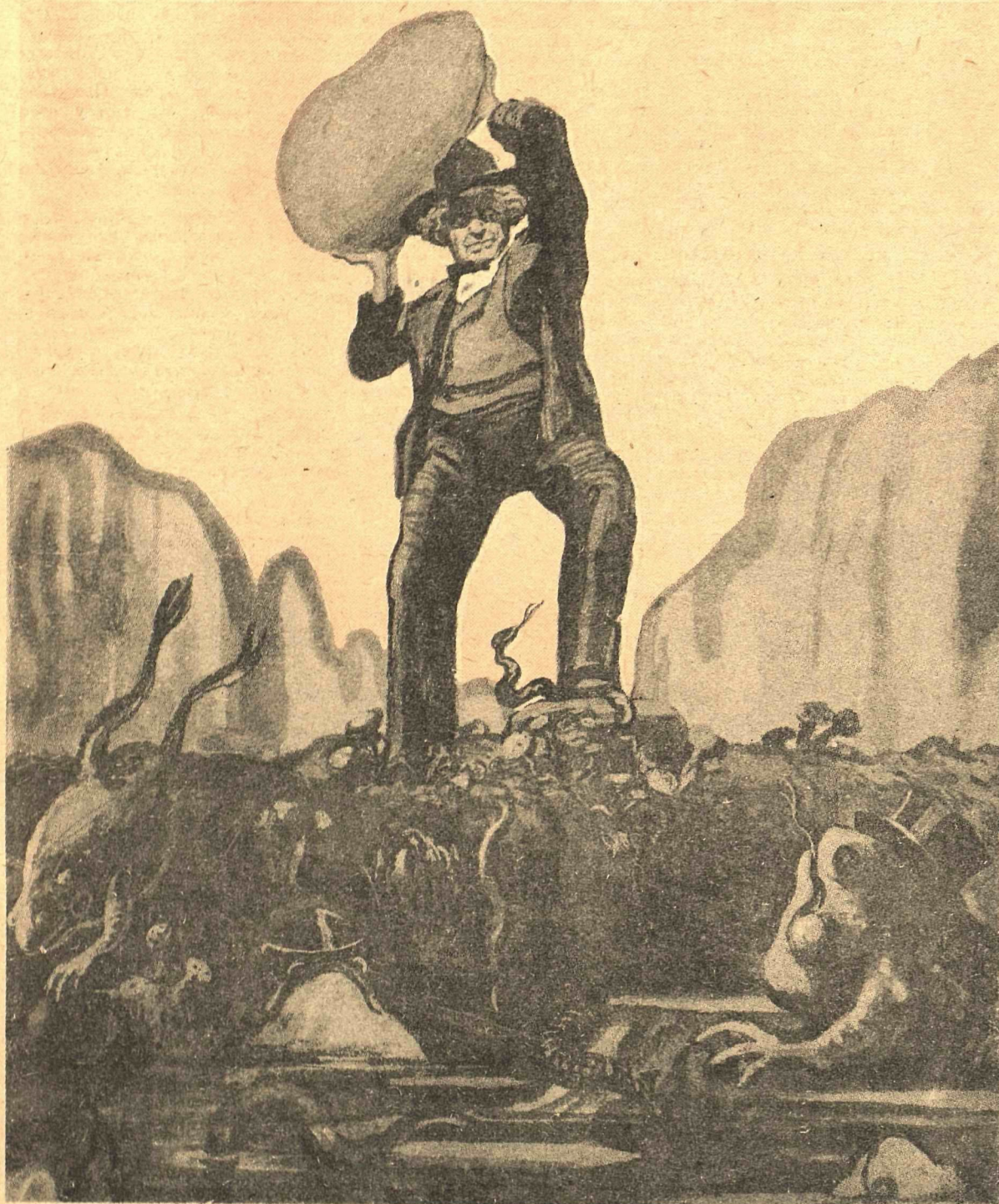
Собрал и перевел А. СТАРЦЕВ

Публикуется впервые на русском языке.

Тишина растекается, как вода, покрытая плесенью, пищей для уток. Иногда что-то шевелится по плотной, кашеобразной поверхности: лягушка — господин-обыватель из утино болота — поворачивается во сне. Может быть, он видит меня во сне.

(Мартин Андерсен-Нексе «Голос тьмы»).

Рис. Л. Бродаты

Потревоженное болото.

Сказка о вельможе

Сюжет истории моей —
Дела давно минувших дней...
Начальствовать в Райкожу
Назначили вельможу.

Пришел вельможа в кабинет.
— Что ж кресел кожаных тут нет? —

Сказал возможно строже
Назначенный вельможа.

К вельможе тащат гарнитур,
А он опять как туча хмур.
— Нужна мне обувь тожа! —
Сурово фрек вельможа.

Несут штиблеты — первый сорт.
Еще вельможа пуще горд.
Сидит с осанкой дожа
И шьет ситро вельможа.

— Нужна обука ведь не мне,
А куму, дочке и жене.
Гляди, на что похожа! —
Волнуется вельможа.

Кипит работа — и как фаз
За сутки выполнен заказ.
Обужу лучшей кожи
Несут жене вельможи.

Вельможа снова омрачен:
Желает жить на даче он.
Желает дачу? Что же!
Построили вельможе.

— Чевой-то скучно! — он

сказал.
— Подать веселье! — приказал.
Приказ всего дороже —
Дают банкет вельможе.

В одной бумаге видя толк,
Косится хмуро он как волк.
Привычны к мелкой дрожи
Секретари вельможи.

Дела ведут к нему людей,
А с ними он еще лютей.
Часами ждут в прихожей
Свидания с вельможей.

— Приема нет, — один ответ.
А примет он — мрачнеет свет!
Сурово бровь карёжа,
Бесчинствует вельможа...

Растет расходов крутизна.
Вельможе нравится казна.
Что толку, что негоже
Красть из казны вельможе?

Сказали тут: «Терпенья нет!»
Его влекут держать ответ.
Сумнишесь ничтоже,
Дают взащей вельможе.

Вельможа крикнул и исчез.
Да мало ль в мире есть чудес —
Не видели вы рожи
Подобного вельможи?

Ал. РОХОВИЧ

Жертва перегрузки

В Нарсуд 8-го участка г. Краснодара

Защитного священника
Сысоева Григория Алек-
сандровича, г. Красно-
дар ул. Ярмарочная,
№ 136

по делу с
Георгиевской общиной
верующих в г. Красно-
даре, угол ул. Седина и
Северной.

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

В начале января м-ца 1938 года от Георгиевской общины верующих г. Краснодара через ее представителя я получил предложение служить в общине. После некоторого колебания

я принял это предложение и приступил к несению своих обязанностей. До этого в этой общине мои обязанности исполнялись 3-мя священниками и архиереем, а с моим поступлением на службу в общине на меня одного получилась весьма большая нагрузка по работе: мне приходилось служить с утра и до ночи без перерыва в церкви, а затем совершать требу на дому у прихожан, причем эти вызовы на дом происходили нередко и ночью. В результате такой интенсивной работы здоровье мое было сильно подорвано, в результате переутомления у меня получилось травматическое повреждение на ноге. Таким образом, непосильной работой, возложенной на меня общиной, я превращен в инвалида, мне причинен убыток, работать я не могу и ввиду

изложенного считаю общину обязанной возместить мне причиненный убыток (ст. 403 ГК).

Убыток мой выражается в том, что я лишен заработка, каковой у меня выражался получением 1000 руб. в м-ц.

На основании 403, 411, 413 и 415 ст. ст. ГК определяя цену иска в 1000 руб. в месяц, прошу Нарсуд постановить решение о взыскании в мою пользу с Георгиевской общины верующих в г. Краснодаре по 1000 руб. в м-ц до дня моей смерти в возмещение причиненного мне ущерба в здоровье и убытка. Судебные издержки прошу возложить на ответчика.

СЫСОЕВ, Григорий Александрович
г. Краснодар. 10 ноября 1939 года.

В чаду чадолюбия

НЕЗАДОЛГО до школьных каникул в редакции одной из московских газет собрались артисты, ученые, педагоги, детские писатели, представители клубов. Мы обсуждали, как бы устроить детворе каникулы поинтереснее, повеселее. Совещание подошло к концу. Председатель заглянул в список желавших поговорить и сказал:

— Дадим слово... э-э... товарищу Востролябьеву!

У стола возник свежий мужчина, с ласковыми черными глазами, небольшой акуратной плечью и с такими полными лоснящимися губами, словно он только что плотно поел масляных блинов. На нем была не то морская, не то военная, не то дирижабельная, а может быть, брандмейстерская форменка. Обемистое брюшко перехватывал широкий брезентовый пояс с огромным металлическим крюком-карабином. Брядая и улыбаясь, он снисходительно склонился к стенографистке:

— Востролябьев. Ве, ве — инициалы... Клуб «Красные факелы».

Он выпрямился и бодро оглядел собравшихся.

— Да простят мне уважаемые товарищи, — сказал Востролябьев, — но у меня такое получается ощущение, что дело как говорим мы, пожарники, — полундра... Я позволю себе начать с того, что меня удивляет, я бы сказал, даже несколько поражает, то, если можно так сказать, непонимание специфики детской психики, которое я мог вынести из высказываний, раздавшихся здесь... Вы, товарищи, я вижу, вы еще не перешагнули через тот, как мы говорим, брандмауер, который еще частично кое-где подчас разделяет взрослую психику от детского сознания.

Нет, товарищи, недосовсем вы изучили внутренний мир ребенка. Нет, — вздохнул Востролябьев, — недоразбираются у нас еще в этом подчас.

Мы расходились, слегка подавленные. Мы чувствовали, что чего-то мы недоучитываем и Востролябьев затюкал нас...

На пятый день каникул Востролябьев позвонил мне:

— Честь имею, дорогой! Вадим Витальевич говорит. Дядя Вадя! Не узнаете? Ай-ай-ай, забыли уже. Все равно, не отвертитесь. Нам никто не отказывает на нашем пожарном фронте. На линии огня, хе-хе!.. Ну, словом, Востролябьев говорит. Ждем. Вас ждем. На елочку ждем. Дети покоя не дают. Давай и давай им! Слышать не хотят. Давай им дядю-писателя. Нет, нет! Именно вас. Читаем и почитаем... Слышать не хотят никого другого. Чувствую свою специфику... Так, значит, я завтра за вами пришло. Не беспокойтесь, ровно в четыре часа. Минута в минуту. Без задержки. Как на пожар. Да, забыл!.. Если отличия имеются, орден там, то прошу прихватить на себе... Для отчетности потребуется, да и детям нагляднее.

Пришлось поехать. Правда, машина из клуба «Красные факелы», спешившая, как на пожар, опоздала на два часа, и я уже медленно догорал, когда, наконец, явились посланцы Востролябьева —

двое довольно развязных юношей из детской дружины песни и пляски.

— Дядя! Вы заслуженный деятель или народный артист? — спросила меня маленькая школьница, как только я вошел в клуб.

— Ну, как? Довезли вас в целости мои пенюгоны? — приветствовал меня Востролябьев. — Ребята! — закричал он, вводя меня в зал, где стояла елка. — Ребята, давайте поприветствуем!.. К нам приехал ваш любимый, вам всем известный орденосец... поэт... Что? Виноват!.. Да, да, именно писатель... Э-э... Лев, э-э... Квитко... Что? Виноват...

Кое-как мы разобрались, кто я.

— Ну, конечно, Квитко же у нас, по графику, завтра, — нимало не смущаясь, объяснил Востролябьев, — мы в таком масштабе елочную кампанию развернули, что всех не упомянешь, кто перебивал, а кто еще недоперебивал... Двоих Героев Советского Союза уже привозил, одного народного СССР, трех народных РСФСР, четырех заслуженных... Вчера академика одного, заслуженного деятеля науки, вывез для младших классов! Уломал кое-как... Пошел навстречу, стариченция. Но, знаете, не на высоте задачи оказался. Дети,

между нами, очень разочарованы. Как-то не учел он нашей специфики... Мы его просили немножко там про эти самые, ну, что ли, атомы, научно потреться под елкой. Рассердился, представьте себе! Отряхнул конфети и уехал... Да, достается мне из-за моей любви к детям... Зато сам товарищ Птоломак в приказе отметил. Да еще бы! Вот у текстильщиков, рядом клуб — «Красная основа», — так там на елках только один стахановец был да два заслуженных артиста, а Героя ни одного! Сильно недополнили до нас.

Ребята смотрели на меня снисходительно. Вокруг елки бродил умаявшийся дед-Мороз в медной ахиллесовой каске, надетой ради пожарной специфики. Дед был похож на пожилого будочника времен Достоевского. Дети, взявшись за руки, ходили вокруг елки и старательно пели под баян: «Он готов потушить все пожары, но не хочет тушить только мой». Я пробормотал было, что песенка, мол, не совсем как будто по возрасту.

— Хо! — воскликнул Востролябьев. — Это уклон в специфику, вы не знаете моих пенюгонов! Огонь, вода и медные каски! А кто им все это создал, спросите их! Все он же, я! Дядя Вадя!

Потом мы снимались вместе с дружиной песни и пляски, Востролябьев собрал ребят и зычно возвестил:

— А ну, пенюгоны! Слушай дядю Вади!.. Кто хочет сняться с живым писателем?

И хотя от суетливой болтовни, от наседания и хвастовства Востролябьева я чувствовал себя уже полуживым, однако снимались мы долго и обстоятельно. Востролябьев, вспотевший от зудящего усердия, сам рассаживал нас, придавал нужные позы, заказывал выражение лица, улыбки, настраивал, вытаскивал на передний план ребят понаряднее, девочек посмазливее.

— Снимаемся, снимаемся! — кричал он. — Годовой фотоотчет!.. Только без инсценировки. Пусть как в жизни. Смотрите на товарища, как будто он вам читает свои произведения! Больше благодарности, больше внимания в глазах. Горите душой!

Как только нас обшелкали со всех сторон, Востролябьев сразу заметно остыл ко мне. Я почувствовал, что моя миссия закончена.

— Торопитесь, наверное? — спросил он меня. — Только, извините, машины нет. Ушла как раз... За Жаровым поехали. И, представьте себе, недозапомнил: не то за поэтом, не то за артистом. Помню только, что за орденосцем... Ну, да разберемся, как приедет. Будьте здоровы! Спасибо, что побывали. А ну, пенюгоны, давайте прощаемся...

Пенюгоны безучастно захлопали мне вслед, провожая меня вялыми глазами, которые уже видели огонь, воду, медные каски, двух Героев, трех народных, четырех заслуженных...

— Устали, ребятки? — почувствовал я.

— Ничего, потерпим, — сказал один из пенюгонов. — Скоро каникулы кончатся. Тогда уже отдохнем...

НА ВОРЕ ШАПКА...

Рис. Л. Генча

— Позвольте, дяденька, я донесу.
— Что ты, что ты!.. Никому — ни слова.

ЛЕВ КАССИЛЬ

Товарищи люди, в

Рис. К. Елисеева

...ну, куда ты прешь!!

Разговор с выше... и нижестоящи

Пустое вы сердечным тл.
Она, обмолвась, заменила ...
(А. Пушкин)

— Гражданин, зачем вы плюетесь шелухой от семечек мне на шубу?
— Здесь же написано: „Не плевать на пол“.

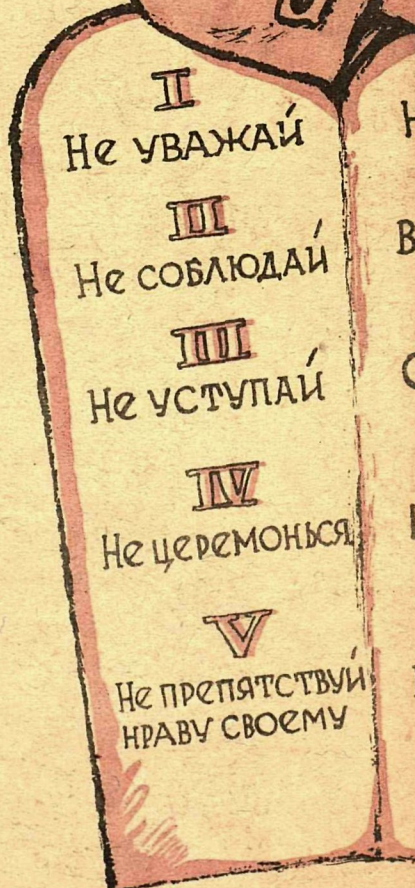
— Была бы тонкая стенка и замочная скважина, а чуткость к ближнему всегда найдется.

Сосуд, вокруг которого плюют.

— Почему я должен вас уважать, если я старше по положению?

Десять заповед

Будьте культурны!

(В. Маяковский)

— Чёго ты зажмурился?
 — Не могу видеть, когда женщина с ребёнком стоит.

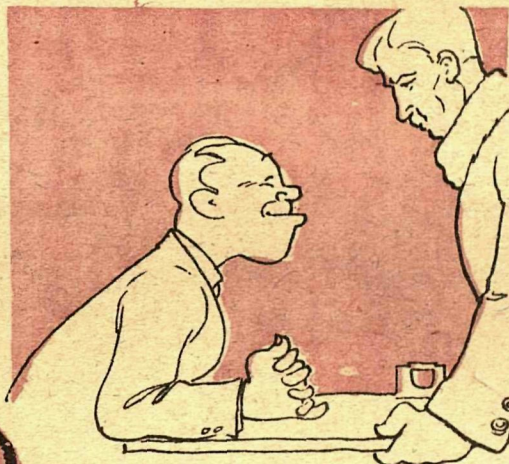

— А ну, шаркни дядю ножкой!

VI
НАРУШАЙ!
 VII
ВЫРАЖАЙСЯ!
 VIII
СОРИ!
 IX
ШУМИ!
 X
ПЛЮЙ!

ей хама.

— Будьте добры, если вас не затруднит, милости прошу пожаловать ко мне по вашему делу еще через недельку—другую.

— Ох, умаялась: целый день кипячу воду!
 — Стираете?
 — Нет, просто не хочу, чтобы плиту соседи заняли.

ПОБЕДИТЕЛЬ СЕРДЕЦ,
 или
 случай, когда „победителя“ судят.

1940

Летучий голландец.

Осторожно — окрашено!

Вы прислушайтесь внимательно:
В магазине дверь поет!
В дверь проходят покупатели
Взад-вперед
И взад-вперед.
Дверь бумажкою украшена:
«Осторожно — здесь окрашено!»
Безусловно, не напрасно
Объявление висит:
Дверь покрыта краской красной,
Вкусно пахнет и блестит.
И сказала мама Глебу,
В магазин спеша за хлебом,
На бумажку показав:
«Не замажь, смотри, рукав».
Глеб, шагая рядом чинно,
Лишь плечом повел невинно,
Посмотрел на дверь, вздохнул
И тихонько пальцем ткнул,
Замарал об дверь ладошку,

А потом штаны немножко...
Но по шапке получил
И смущенно отскочил.
И сказал на это горько:
«Ну за что? Я ж пальцем только...»
Тут из двери, как из рамы,
Из-за валенок и шуб,
Легким шагом вышла дама
С парой яркочерных губ.
Отступив слегка назад,
Глебка выпучил глаза
И промолвил осторожно,
Ставя все ж вопрос ребром:
«Значит, взрослым к двери можно
Прислоняться даже ртом?»
А таким, как, значит, я,
Даже пальцами нельзя?
Что ж. Понятно. Мало лет —
Так тебе и ходу нет».

ГЕОРГИЙ ПОМЕРАНЦЕВ

О том, как Иван Никодимович ездил на фронт в баню

СКАЖЕМ прямо, Иван Никодимович не был героем.

— Мое дело — макароны и прочая бакалея, — заявлял он.

Иван Никодимович заведывал продовольственным складом недалеко от передовых линий на финляндской стороне. Зато его приятель, начпрод (начальник продовольствия) одного из батальонов, Семен Петрович Волчок, был человеком бывалым и боевым. Командир батальона, в котором служил товарищ Волчок, отдал приказ — не выпускать начпрода из поля зрения, особенно к вечеру, когда высылалась разведка к белофинским укреплениям.

Только выстроится разведчики у землянки комбата, как начпрод вооружался винтовкой и двумя гранатами и невзирая на свою грузную фигуру тихонько пристраивался на левом фланге разведчиков.

— Авось, комбат не заметит, и я с молодежью махну бить белофиннов, — решал начпрод.

Комбат до последней минуты делал вид, что не замечает своего начпрода в строю, и отдавал команду: «Напра-во! Ша-гом!»

Сердце Семена Петровича сильно стучало под полушубком.

— Не заметил, — уже торжествовал Семен Петрович.

Вдруг комбат делает паузу и отдает странную команду: «Начпроду пять шагов вправо, марш!»

Бойцы уходили, а начпрода под общий хохот командиров водворяли в землянку. Комиссар успокаивал его:

— Еще сходим, Семен Петрович, еще будут бои...

Иван Никодимович и Семен Петрович были приятелями.

Иван Никодимович больше всего почему-то боялся гаубиц. Хотя точного понятия о них не имел, но в самом слове он видел что-то коварное и губительное.

— Я человек очень штатский, — оправдывался он. — Я никого никогда не убивал, и меня никто не убивал.

А начпроду, товарищу Волчку, Семену Петровичу, страшно хотелось военизировать своего приятеля, и он пустился на хитрость. Дело в том, что Иван Никодимович до страсти любил париться в бане, а кругом бань не было. Вот на эту удочку начпрод и поймал своего приятеля. Лучше всего передадим рассказ самого Семена Петровича:

— Приезжаю я на продпункт и говорю Ивану Никодимовичу: «Вчера наш батальон занял имение. Дом цел, а во дворе первоклассная баня. Сегодня мы ее топим, — и добавил как бы про себя: — Тихо у нас на фронте, туман и никакого наступления не предвидится. Наперед знаю, что ничего существенного не произойдет».

— А гаубицы как? — спрашивает Иван Никодимович.

— Гаубицы, — говорю, — в туманную погоду не стреляют, а белофинны из пушек давно не бьют, кишка тонкая. Поедем, если хочешь, как раз моя эмка здесь...

В общем уломал его. Взял он мочалку, мыло, смену белья. Даже каску надел, — словом, человек собрался на фронт. Выехали.

Проехали немного, я и спрашиваю Ивана Никодимовича:

— Какой дорогой поедем: вдоль позиций или тыловой?

— Какой поближе, — говорит он.

— Ну, тогда давай к позиционной.

Только в лес вехали, как слева от нас наша «дивизионная» из трех дальноточных как даст «белофиннам жизни». Стекла в машине дзинь-дзинь поют. Я в окно смотрю, чтобы не смеяться, а Иван Никодимович глаза вытаращил и губами шевелит.

Думаю: «Подожди, это еще что». И спрашиваю шофера:

— Это что: наши или ихние?

А шофер, парень смекалистый, понял, в чем дело, и отвечает:

— Вроде ихние.

Иван Никодимович определенно заскучал.

Еще проехали несколько метров — и прямо из-за деревьев гаубичная батарея на дорогу глядит. Слышим команду: «Огонь!» Только первое орудие ударило, а Иван Никодимович уже с сиденья сполз на дно машины. Отстрелялась батарея, он подымается и заявляет:

— Спички искал.

Едем дальше. Со всех сторон бьют наши «матушки» — полковые, сзади — корпусные, снаряды летят через наши головы и высоко в небе поют. Я опять для его успокоения говорю:

— Что-то тихо сегодня на фронте, ничего существенного. А жаль. А то посмотрел бы бой поближе.

В общем едем и концерт слушаем: корпусные басом поют, дивизионные — баритоном, полковые пушки — тенором, а мелкая братия — фальцетом.

Доехали до нашего расположения и выходим из машины. Видит Иван Никодимович: кругом чистый лес, кое-где грузовики стоят. Никакого имения нет. Говорю ему:

— Вот с полкилометра пешком пройдем в сторону позиций, и наша баня будет.

— Не желаю! — закричал Иван Никодимович. — Побыл я в бане сегодня, довольно!

— Дурень ты после этого, — говорю я, — а еще военным складом заведешь. Сорок лет от роду, а все же дурак. Идем, увидишь, какую я тебе баню покажу.

На мое счастье, где-то застрекотали пулеметы. Иван Никодимович побоялся остаться один и пошел за мной.

— Вот труба из земли торчит, видишь, дымок валит, — показываю ему.

Видит Иван Никодимович: идут бойцы по дорожкам, а потом как сквозь землю проваливаются. Так и мы провалились. Вошли в траншею. Перед нами тяжелая дверь, а над ней какой-то боец-художник повесил настоящую вывеску:

«Красноармейские бани
1-й класс
телефон ОБ-45».

Открываем дверь — и Иван Никодимович входит в большое помещение.

— Здорово тут устроено, — удивляется он. И есть чему удивляться. Человек сорок бойцов раздеваются, кругом кресла стоят — саперы из одного имения притащили, — по левой стороне трюмо в белой раме, а над зеркалом плакатик с такой надписью:

«Парикмахер
Из крупного города Бершадь, Винницкой области, УССР
Работа чистая, аккуратная и бесплатная.
Кто желает до бани, кто желает после.
Брею до вечера, потом прошу не беспокоить,
ухожу выполнять боевое задание.

К сему Яша Соломонович».

Вечером Яша всегда в разведку ходит.

Разделся Иван Никодимович и вошел в главное помещение. Человек сто купается. Белые скамьи, горячей воды вволю, электричество горит. Шумно, весело. Главный банщик в голубых трусиках ходит и порядок наводит — потому крику много. Один кричит:

— Гриша, начинай артоподготовку!

И Гриша выплескивает шайку воды на раскаленные камни.

Другой кричит:

— А ну, поддай Маннергейму жару!

Два часа парился Иван Никодимович, вышел на свежий воздух, вздохнул и говорит:

— Нет, воевать нестрашно.

С тех пор Иван Никодимович на фронт в баню ездит. Приезжает он, даже когда бой в полном комплекте идет. Выйдет из бани, вздохнет широкой грудью и скажет:

— Значит, дела идут. Вчера опять наши гаубицы три огневые точки противника разбили.

Баня у нас круглосуточная.

Капитан М. ЭДЕЛЬ

Действующая армия.

— Мы принимаем все меры против рабочей печати.
— Ну, и что-нибудь выходит?
— Выходит... „Юманите“.

Доска приказов

П Р И К А З № 45

По Илекскому отделению Сельхозбанка (Чкаловской области)

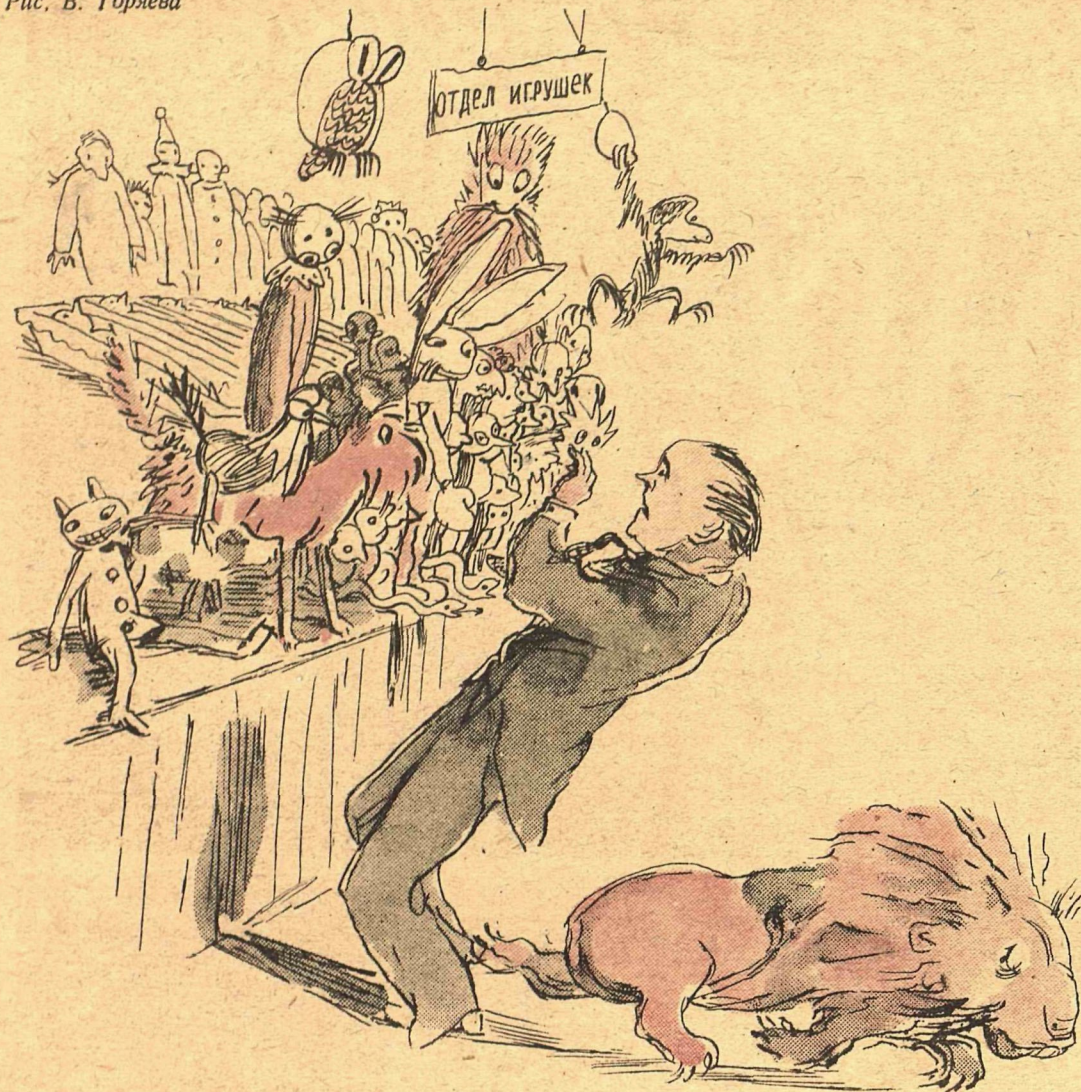
Несмотря на неоднократные словесные указания и предупреждения со стороны управляющего тов. Шевченко конюху отделения тов. Новиковскому Ермолаю о бережном отношении к государственному имуществу, находящемуся в ведении Сельхозбанка, уход за которым поручен ему, тов. Новиковскому, как конюху, а именно:

Новиковский при службе в отделении относится к своим обязанностям по-казенному и преступно халатно, а именно: инвентарь в порядок приведет когда только укажем, то или другое задание выполнит только не одно крайнего забывания. Тарантас не смазывается. В хомуте совершенно изнасился потник. Главное обесценил форму лошади допустив по халатности или быть может с целью сделано, что лошадь имея роскошный хвост осталась совершенно без такового хвоста (хвост выдернут совсем), хотя при опросе Новиковского о причине потери хвоста последний заявил, что хвост лошадь выдергала о шлею, что является подозрительным, чтобы в такое короткое время как недельный срок лошадь могла выдернуть о шлею хвост. На основе всего указанного и отсутствия у тов. Новиковского намерения перестроить свое отношение к обязанностям освободить тов. Новиковского от работы конюха с двухнедельным предупреждением.

Врид. Управляющего отделением банка П. ДЕРГАЧЕВ

ДРЕССИРОВЩИК НА ВОЛЕ,
или
Б. Эдер в игрушечном магазине

Рис. В. Горлева

Вскричал в испуге укротитель,
Львов укрощавший много лет:
— Мне страшно! Граждане, спасите!
Сильней игрушки зверя нет!

Под крышами Парижа

ВЧЕРА вернулся из Франции мой знакомый. Он рассказал любопытный эпизод своей парижской жизни.

* * *

— Я поселился в Париже, на Лунной улице, на той улице бедняков, где одно время жил бальзаковский Люсьен из «Утраченных иллюзий».

Как-то случайно я познакомился с мужем привратницы того дома, где снимал комнату. Это был маленький опрятный старичок лет пятидесяти пяти. Звали его Пьером Жиго.

Старичок поразил меня своим неслыхаемым красноречием. Мое удивление еще более усилилось, когда он серьезно сообщил о своем близком знакомстве с Людовиком Пятнадцатым.

— Да, да! — подтвердил мой собеседник. — Покойный король весьма милостиво относился ко мне. Однажды он в шутку спрашивает: «А не большевик ли ты, Жиго?» Шутник был Людовик Пятнадцатый, царство ему небесное!.. Старик помолчал, а затем добавил:

— Еще я могу вам передать последнюю новость, касающуюся его величества царя вавилонского, мосье Навуходоносора. Он прислал в Лигу наций письмо с просьбой присоединить его к какому-нибудь антисоветскому блоку.

Разговор происходил на лестнице. Тут же

стояла привратница, жена Пьера Жиго. Я мельком взглянул на нее и увидел, что она делает мне какие-то таинственные знаки.

А старик между тем продолжал:

— Что же касается мосье Рыдз-Смиглы, то он организовал дивизию и пошел войной!..

Вот когда я окончательно уразумел, что старик просто врет. Я не дослушал его рассказа о храбром польском воюке и ушел. У ворот меня догнала привратница. Бедная старушка плакала.

— Мосье, — произнесла она, громко всхлипывая, — вы, пожалуйста, извините моего старика!..

— Давно это с ним? — спросил я ее.

— Больше года. Он был честный труженик. Лишнего слова, бывало, никогда не скажет. Но с тех пор, как... — и старушка еще пуше залилась слезами. — Но с тех пор, как он поступил швейцаром в это проклятое заведение!..

— В какое?

Привратница нагнулась ко мне и шепнула на ухо двухсложное слово — слово, ставшее неприличным в приличном обществе!.. У меня невольно вырвалось восклицание:

— Несчастный Пьер Жиго!

Вечером я поговорил со стариком. Это была душевная беседа. Это была минута просветления в сознании Пьера Жиго. Он отнесся ко мне с полным доверием и не угостил ни одной басней.

— Что я могу поделать? — сказал он с от-

чаяньем. — Безработица загнала меня в эту клоаку. А я ведь, поверьте, порядочный человек.

Утром он повел меня в свое заведение. Не думайте, что оно наподобие другим подозрительным парижским кабакам и сомнительного свойства «домам» находилось где-нибудь на окраине, в старом и ветхом здании, где лестницы пахнут кошками. Нет, заведение находилось на одной из главных улиц города, в большом шикарном особняке. И на фасаде красовалась огромная вывеска, на которой золотыми буквами было начертано двухсложное слово:

«Гавас».

В центре города! И такое слово на фасаде! Откровенно говоря, я был немало удивлен легкости нравов, царивших в столице прекрасной Франции!..

Мы вошли внутрь. Это заведение работало не только ночью, но и днем. И я захотел посмотреть, как здесь живут и работают.

Пожилая гардеробщица, пригласившая у меня пальто и шляпу, вежливо улыбнулась мне и сказала:

— Слыхали? Американские банкиры отказались от военных прибылей, и все военные заводы в США переключились на производство елочных украшений.

Пьер Жиго отвлек меня в сторону и шепнул:

— Не обращайтесь, мосье, внимания на ее слова. Она тут заразилась той же срамной болезнью, которой страдают все служащие нашего заведения!.. Жан! — крикнул старик пробегающему мимо гарсону. — Что нового?

— Большие новости, дядя Пьер, — ответил мальчуган. — Днепр вышел из берегов и затопил Кузнецкий мост в Москве, с Казбека упала вершина и разрушила город Пензу, а шведские добровольцы заняли Полтаву.

Выпалив все это, гарсон помчался дальше. Швейцар печально покачал головой:

— Что поделаешь? Сирота! И вот он с юных лет подражает старшим по службе. Между прочим, знаете, кто он? Он сын псаломщика царя Давида!..

Но тут старик вздрогнул и, схватив меня за руку, взволнованно произнес:

— Извините, мосье, я опять заврался: обстановка действует!..

Мы шли по коридору. Встретили длинноногую девицу с выпуклыми глазами.

— Это героиня нашего заведения, — шепнул мне мой спутник. — Ее зовут Мари Шаль. Она работает машинисткой. Очень безграмотная девица. Ее даже хотели уволить, потому что она все путает. Но наднях мосье Белиберде, наш специалист по войне в Финляндии, диктовал ей заметку. Мари по своему обыкновению напутала и прибавила два нуля к числу раненых красноармейцев. Главный редактор, узнав об этом, выдал ей премию и повысил оклад за проявленную инициативу. Ее поставили в пример другим, и теперь все наши машинистки прямо помешались на нулях. Дошло до того, что одна напечатала: «На фронте 400 градусов мороза».

Я оставил швейцара в фойе и зашел в кабинет мосье Девалей, одного из редакторов агентства. Я объяснил ему цель моего посещения: интересуюсь, мол, техникой информации.

Мосье Девалей очень любезен, много улыбается и говорит, как пишет:

— Я очень рад вашему визиту. Агентство Гавас относится к Советскому Союзу с неизменной симпатией. Вы должны знать, что вся наша информация строится на действительных фактах. Мы принципиально не выносим никакой фальши. Нас ни за какие деньги не ку!..

Он не закончил своей фразы. Мосье Девалей настолько увлекся, что взмахнул руками и задел стоявшее на столе гжельное пресс-папье. Оно упало и угодило на мозоль редактора.

Редактор не своим голосом вскрикнул:

— Ай! Как больно!

Это было искренно и чистосердечно.

Я, радостный, уходя из этого заведения: ведь я был свидетелем того, как один из редакторов Гавас случайно произнес правдивую фразу.

Пресс-папье, действительно, было очень тяжелое!..

Г. РЫКЛИН

Кто стоит в стороне
от школы?

ПРОПИСНАЯ ИСТИНА,
относящаяся ко многим районам.

А подсудимые кто?

Зарисовки с натуры Б. Пророкова

В народном суде Ленинского района Москвы обычный судебный день.

ОТСУТСТВУЮЩИЙ ОТЕЦ И ПРИСУТСТВУЮЩЕЕ ДИТЯ

СУДЬЯ 4-го участка объявляет слушание дела Лукина, Бориса Николаевича. Отроку от рождения 15 лет. Невзирая на нежный возраст он многоопытен и

— Здесь должна быть определенная презумпция!..

хитер. Его подвиги на поприще тайного похищения чужого имущества имеют уже свою историю. Два привода, два года условного осуждения. Не успели высохнуть чернила на первом приговоре, как он повторил опыт изъятия денег из чужого кармана. Он был задержан на месте преступления, но успел передать деньги своему сообщнику. Тот улизнул. Его имя Лукин не открывает. Когда успел этот малец постигнуть каноны воровской этики? Под чьим руководством прошел он школу хитроумного заpirationства? Еще недавно он учился в другой школе. Там были другие скамьи — обыкновенные школьные парты. Учился Борису Николаевичу надоело. Школьные руководители были заняты. Они проделывали с «вопросом о воспитании» все, что полагается делать с вопросами: ставили, пробовали, поднимали, вентилировали. Лукин под шумок смылся из школы.

На суд Борис Николаевич явился один. Папаша — слесарь Н. Лукин — судьбой дитяти не интересуется. Мамаша тоже предпочла остаться дома. Установив истину, суд приговорил вора к одному году лишения свободы.

Как отнесутся почтенные родители к этому событию в жизни их потомка? Вспомнят ли о Лукине в школе, где он проучился пять лет?

Судебный завсегдатай острит:

— Лучше сидеть два года в одном классе чем один год в тюрьме. А?

Борис Николаевич отвечает презрительной ухмылкой.

АДВОКАТ И ЕГО ПРЕЗУМПЦИИ

АРЕНКИН украл вещи из чемодана, хранившегося в сарае домоуправления. Его защищает адвокат. Адвоката украшает пышный бант в горошину. Жесты адвоката свободны, он смотрит на подсудимого со снисходительным сожалением. Дело пустя-

ковое. Подсудимый признал себя виновным. Надо только доказать, что кража совершена без применения технических средств, а затем добиться условного осуждения.

Все дело в доске. Была ли она подпилена или отвалилась от случайного прикосновения? Адвокат хочет блеснуть знанием формальной логики и юридической фразеологии. Никакого мудрствования на самом деле не нужно. Но адвокат уже поплыл по многоводной реке красноречия.

— К чему сводится работа защитников в суде? — спрашивает он и долго говорит о своем призвании, затем он продолжает: — Надо остановиться на юридической природе этого дела. Мы имеем две версии: одна версия Аренина: он задел доску в сарае; другая версия управдома: доска

Он был абсолютно вменяем, этот мертвецки трезвый хулиган.

была подпилена. Если доска была подпилена, она не была бы целой. Если доска была целой, она не была подпилена. Здесь должна быть определенная презумпция, установленная советским гуманизмом! Ваша судейская совесть должна подсказать правильное понимание юридической природы этого дела. Доска была целой — из песни слова не выкинешь. Налицо химически чистый случай пункта «А» 162-й статьи!

Адвокат наслаждается собственной речью. Судья и заседатели привычно спокойны.

— У нее муж в командировке... Надо же разбираться!

— Какую же санкцию должен применить суд? Тут нет напряжения злой воли, делающей подсудимого социально опасным. Не надо! Не надо так смотреть на человека! Этот конфузливый юноша...

Адвокат полон пафоса и благородного волнения. Он говорит о статье, дающей право на условное осуждение:

— 53-я статья — благотельный институт, о котором мы, старые студенты, когда-то мечтали!

Суд приговаривает подсудимого к одному году исправительных трудовых работ.

«Старый студент» покидает зал заседания. На его лице выражение исполненного долга. Он как бы говорит:

— А ловко я им презумпцию вернул!

КАЛОША И НЕВМЕНЯЕМОСТЬ

БОКОВ ровным счетом ничего не помнит. Он выпил поллитра и потом пошел гулять. Каким образом прогулка завершилась ночевкой в милиции, — тайна, которую Боксов опять же без поллитра разгадать не в состоянии. Он совершенно не понимает, о чем говорит свидетель Макавеев. Какой скандал? Бил миллионера? Замахивался ножом? Он ничего не помнит. Он был пьян. После водки он пил пиво, после пива — водку, потом — водку с пивом, затем — пиво с водкой. Короче, он был невменяем.

Миллионер Нестерский докладывает деловито и образно:

— Подходит ко мне сей гражданин (он указывает на свидетеля) и зовет на дебош. Я пошел на выяснение, где сей гражданин (он указывает на подсудимого) ударил меня, после чего сел на ходу в трамвай. Но к моему случаю у него свалился калош, и он соскочил за ним... Вторичный раз он мне добавил, и я упал...

Устанавливается, что Боксов, действительно, соскочил за упавшей с ноги калошей. Он был абсолютно вменяем, этот мертвецки трезвый хулиган.

Суд приговаривает его к пятилетнему заключению. Боксова тут же берут под стражу. Он злобно смотрит вниз, на свои калоши.

ЗАВСЕГДАТАИ

СУДЕБНЫЕ болельщики — достойные соперники футбольных. Но там можно вдоволь орать, свистеть, неистовствовать — открыто, явно, безудержно. Попробуй неистовствовать в суде! Тут нужна выдержка. Хладнокровие. Терпение. Выражать чувства можно, но шопотом. Или вполголоса — во время перерывов. Обстановка приучила судебных болельщиков переживать молча. Некоторые во время разбирательства дремлют. Бодрствует одно ухо. Дремлющий болельщик время от времени поднимает голову и комментирует:

— Разве ж так отвечают?

— Признавайся, дурак!..

— Эх, промазал!..

— На два года пойдет!..

Иногда, повидимому, сил не хватает молчать. Тогда темперамент болельщика прорывается с непостижимой дерзостью. После того, как судья отложил слуша-

— Шел в баню; а она закрыта!..

ние одного дела, пожилая женщина вскочила с места и заговорила:

— Товарищ судья! Как же так? Зачем отложили? У ней муж в командировке, а этого парня она безвинно привела в суд. Надо же разбираться!

Судья пригрозил болельщице штрафом. Она долго не могла успокоиться. Интересное дело, зрелище, которого она ждала с утра, вдруг отложено! А как она подготовилась! В коридоре расспрашивала истцу, ответчика, свидетелей. Шутка ли — дело о признании отцовства!

Соседка смотрит на выскочку укоризненно: разве можно доводить себя до такого накала? Она предпочитает молчать. Только во время перерывов развязывает она язык.

— А вот на Бабегородском рынке был случай... — начинает она проникновенным монашеским шопотом...

В зале появляется старик со свертком и веником. Он отвечает на чай-то вопрос:

— Да нет... шел в баню, а она закрыта. Думаю, зайду в суд, погреюсь!..

Старик устраивается в заднем ряду и скоро засыпает.

Заседание продолжается.

А. ИЛЬЧЕВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Без мелких денег в Тамбовский облизполком не ходи. Захочешь ты, например, узнать, на каком этаже и в какой комнате находится бюро жалоб, плати 20 копеек. Не отдашь двугривенный — броди, как в лесу, по всем трем этажам, ищи в ста комнатах нужный тебе отдел.

Конечно, можно было бы на каждом этаже повесить указатели отделов облизполкома. Но ведь тогда никакого взлета мысли не отметят. Поэтому «проблему» направления потока посетителей в трехэтажное русло у нас решили по-своему: организовали справочное бюро, которое с утра до вечера дает платные справки.

Хотели мы пожаловаться председателю облизполкома, но не знаем, где его найти. Неужели придется снова заплатить 20 копеек?

А. ДИВИТОВСКИЙ

Тамбов.

же распорядился использовать как топливо половые доски и тес, которые предназначались для достройки дома.

А наутро тот же Трушкин, должно быть, рапортовал в НКПС о том, как он «успешно» выполняет приказ наркома.

Мы обратились к начальнику дороги Бабайцеву и наивно полагаем, что встретим с его стороны поддержку. Но Бабайцев дал нам добрый совет — примириться с этим захватом.

Дорогой Крокодил, я работаю на Ленинской дороге уже 35 лет и с подобным беззаконием примириться никак не могу. Думаю, и ты не примиришься с этим и поможешь нам призвать к порядку Трушкина и его высоких покровителей.

М. Т. ОБУХОВ,

начальник Московского паровозного отделения Ленинской дороги

Дорогой Крокодил!

Я не водовоз. К водоснабжению не имею никакого касательства. Тем не менее на мою долю выпала тяжелая задача — снабжать холодной водой все население нашего города.

Я живу в Янги-Юль напротив бани. Поэтому каждый день ко мне забегают моющиеся граждане за холодной водой, так как в бане ее нет.

Я очень устал снабжать баню водой.

Нельзя ли горсовету распорядиться, чтобы баню снабжали холодной водой поочередно все жители города, а не я один?

ШАФЕЕВ

Янги-Юль, Узбекская ССР.

— Безобразие! Совершенно распустили детей! Вовочка, выбегй, надавай им подзатыльников.

Дорогой Крокодил!

Московское паровозное отделение Ленинской дороги построило для своих рабочих и заселило уже несколько домов. Дома эти строились при активном участии самих рабочих-паровозников.

В течение января мы собирались закончить постройкой и заселить поездными кочегарами еще один дом. Но в ночь с 4 на 5 января этот не достроенный еще дом был неожиданно атакован начальником жилотдела дороги Трушкиным. С благословения заместителя начальника дороги Горбатова, Трушкин самочинно вселил в этот дом работников других служб. Он

Особый Отдел

КИНО И ЖИЗНЬ

ЗРИТЕЛЬ!

Выходя из театра по окончании кино-сеанса, Вы горячо обсуждаете отдельные, взволновавшие Вас эпизоды и кадры картины, давая оценку игре актеров,

НО ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ЗАБЫТЬ

и об опасностях, угрожающих ВАМ, при нарушении Правил уличного движения и пользования трамваем.

ГАИ и Трамвайтрест г. Киева.

Киев, Облмасштаб 10828.

Др. в-ва «Р. г.» з. 2783-10.000.

* * *

Горячо приветствуем блестящую инициативу Государственной автоинспекции (ГАИ) и Трамвайного треста города Киева. Но так как жизнь человека сложна и многообразна, то мы рискуем предложить еще несколько вариантов названий, которые, несомненно, облегчат передвижение киевлян по городу:

«Зритель! Выходя из кафе по окончании ужина (завтрака, обеда), вы горячо обсуждаете качество пищи, давая оценку работе администрации, **НО ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ЗАБЫТЬ...**»

Или: «Зритель! Выходя из бани по окончании мытья, вы горячо обсуждаете отсутствие горячей воды, давая оценку работе отдела коммунального хозяйства, **НО ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ЗАБЫТЬ...**»

Или: «Зритель! Ожидая трамвая (автобуса, троллейбуса), вы горячо обсуждаете работу городского транспорта, давая оценку работе горсовета, **НО ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ЗАБЫТЬ...**»

Или: «Зритель! Ожидая трамвая (автобуса, троллейбуса), вы горячо обсуждаете работу городского транспорта, давая оценку работе горсовета, **НО ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ЗАБЫТЬ...**»

Или: «Зритель! Ожидая трамвая (автобуса, троллейбуса), вы горячо обсуждаете работу городского транспорта, давая оценку работе горсовета, **НО ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ЗАБЫТЬ...**»

и т. д. и т. п.

ОТВЕЧАЙТЕ НА ВОПРОСЫ

Бакинский пищеторг требует заполнения специальной анкеты-характеристики на всех новопоступающих работников. В этой анкете 21 вопрос. Некоторые из них, несомненно, заслуживают нашего внимания:

- «5. Взаимоотношение со своим начальством и подчиненными ему по службе.
 6. Имеет ли склонность к карьеризму и если да, то в чем она заключается.
 9. Основные черты характера.
 10. Болтлив или осторожен в разговоре.
 11. Основные склонности (вино, карты).
 12. С кем ведет знакомство (соц. положение).
 13. Живет ли исключительно на жалование или еще имеет рабочий заработок или другие средства.
 15. Любопытен или интересуется узко своим делом.
 16. Развит или ограничен.
 17. Вежлив или груб и дерзок.
 19. Отношение к сов. власти».
- Зная эти вопросы, требуется подсчитать, сколько в Бакинском пищеторге болтливых, грубых, вежливых и осторожных в разговоре работников, сколько человек было замечено в склонности к карьеризму, каков процент лиц, имеющих склонности к вину и отдельно к картам.
- На основании полученных данных следует установить имя, отчество и фамилию автора этой замечательной анкеты-характеристики и управляющего Бакинским пищеторгом, о которых можно заранее сказать, что они болтливы (см. вопрос 10), любопытны (вопрос 15) и ограничены (вопрос 16).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал—1 р. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва, Изд. № 107

Сдача текста и рисунков 19/1 1940 г.

Подписано к печати 29/1 1940 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—24207. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 205. Тираж 275 000 экз.

Рукописи не возвращаются

Рис. Ю. Ганфа

	Перед и серия	Лет срок	Мен. се
Получ. Г. Д.	9/II		
дан архив	9/II 10/II	16/II	

— Вы считаете, что социал-демократам можно доверить сбор пожертвований?
— Вполне, ваше превосходительство: ведь им уже выразили недоверие все рабочие организации.

ЮГ
40